

Н.Ф. ШАХМАГОНОВ

*Любовные драмы
русских поэтов*

**ЛЮБОВНЫЕ
ДРАМЫ**

Любовные драмы

Николай Шахмагонов

Любовные драмы русских поэтов

«ВЕЧЕ»

2016

Шахмагонов Н. Ф.

Любовные драмы русских поэтов / Н. Ф. Шахмагонов — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Любовные драмы)

ISBN 978-5-4484-7130-8

Книга Николая Шахмагонова посвящена малоизученной стороне жизни выдающихся русских поэтов – Давыдова, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Брюсова – любовным и романтическим отношениям в их судьбе. Автор ставит задачу не шокировать читателя, но заглянуть в тот скрытый до сих пор мир, который, безусловно, заинтересует каждого. В книге приводится множество документальных свидетельств современников – цитаты из мемуаров, дневников и писем.

ISBN 978-5-4484-7130-8

© Шахмагонов Н. Ф., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

«Давыдов – пламенный боец»	6
«Если к другому уходит невеста...»	6
«Возьмите меч – я недостоин брани!»	8
«Сегодня вечером решится жребий мой...»	12
«Я вас люблю затем, что это – Вы!..»	14
«И неподкупный голос мой был эхо русского народа». Поэзия любви Пушкина	19
«Явись, возлюбленная тень...»	19
«Я помню чудное мгновенье...»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Федорович Шамагонов

Любовные драмы русских поэтов

© Шамагонов Н.Ф., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

«Давыдов – пламенный боец» (1784–1839)

«Если к другому уходит невеста...»

Имя Дениса Васильевича Давыдова обросло легендами еще при жизни, а далее эти легенды только множились. Легендарные подвиги Дениса Давыдова широко известны, как и его великолепные стихи, отражающие неукротимую энергию автора. А вот на вопрос, как складывалась личная жизнь Дениса Васильевича, мало кто ответит. Да ведь и не принято было во времена оные копаться в личной жизни. Тем более интересоваться тем, каков был прославленный герой Отечественной войны 1812 года в семье, в любви, в отношениях с женщинами.

Благодаря замечательному фильму «Эскадрон гусар летучих», фильму, который вовсе не испорчен многими славными легендами, а напротив, выигрывает от них, фильму, скрашенному прекрасным исполнением песен на стихи Дениса Давыдова, главный герой предстает перед нами, как отважный воин, дерзкий командир, но неудачливый в любви поэт.

Но что же на самом деле? Так ли уж несчастлив был Денис Васильевич в отношениях с женщинами? Поэзия и любовь неразделимы. Влюбленный может и не быть поэтом, хотя в тот момент, когда его озаряет высокое чувство, он хоть и не пишет стихи, но мыслит как поэт. Поэт не может не быть влюбчивым – если поэт не влюбляется, если его сердце не способно воспламениться и ярко гореть, он не напишет стихов.

Денис Васильевич был поэтом, и потому он не мог не быть влюбчивым – я употребил это слово, потому что многие характеризовали его как влюбчивого.

И вот он влюбился, влюбился по-настоящему, наверное, первый раз в жизни. И предметом его влюбленности была красавица Аглая Антоновна (Аглая Анжелика Габриэль) де Грамон, которая приходилась внучкой фаворитки Марии-Антуанетты, герцогини де Полиньяк. Аглая отвергла любовь Дениса Васильевича и вышла замуж за его двоюродного брата Александра Львовича Давыдова, впоследствии ставшего генералом. Род известный и знатный – мать Александра Давыдова была племянницей великолепного Светлейшего Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. А сын ее от первого брака почитаем всей Россией. Это Николай Николаевич Раевский, который «был в Смоленске щит, в Париже – меч России».

Аглая вошла в историю благодаря Пушкинским эпиграммам:

И вы поверить мне могли,
Как простодушная Аньеса?
В каком романе вы нашли,
Чтоб умер от любви повеса?
Послушайте: вам тридцать лет,
Да, тридцать лет – не многим боле.
Мне за двадцать; я видел свет,
Кружился долго в нем на воле;
Уж клятвы, слезы мне смешны;
Проказы утомить успели;
Вам также с вашей стороны
Измены, верно, надоели;
Остепенясь, мы охладели,
Некстати нам учиться вновь.

Мы знаем: вечная любовь
Живет едва ли три недели.
<...>

И еще одну эпиграмму написал Александр Сергеевич, причем эпиграмму весьма и весьма колкую, если не сказать больше:

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги – понимаю,
Другой за то, что был француз,
Клеон – умом ее страшая,
Дамис – за то, что нежно пел.
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?

Можно предположить, что Денису Васильевичу очень повезло, что все этак обернулось. Недаром же поется: «...если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло». Александр Сергеевич нередко называл своим учителем именно Дениса Васильевича Давыдова...

Сам Денис Васильевич писал о Пушкине князю Петру Андреевичу Вяземскому: «Хваля стихи мои, он стал писать круче». Пушкин этого не отрицал. Денису Васильевичу он писал: «Что слог, то и солдат – все годны в строй... Я слушаю тебя – и сердцем молодею».

Интересно, что на полях рукописного текста романа «Евгений Онегин» сохранились карандашные рисунки, на которых изображен Денис Давыдов.

Что же касается отвергшей Дениса Васильевича дамы, известно, что Пушкину доводилось не раз общаться с ее семейством.

В 1820 году И.Д. Якушкин оставил в своем дневнике такую запись:

«У нее (Аглаи Давыдовой) была премиленькая дочь, девочка лет двенадцати. Пушкин вообразил себе, что он в нее влюблен, беспрестанно на нее заглядывался и, подходя к ней, шутил с ней очень неловко.

Однажды за обедом он сидел возле меня и, покрасневшись, смотрел так ужасно на хорошенькую девочку, что она, бедная, не знала, что делать, и готова была заплакать; мне же стало ее жалко, и я сказал Пушкину вполголоса:

– Посмотрите, что вы делаете: вашими взглядами вы совершенно смутили бедное дитя.

– Я хочу наказать кокетку, – ответил он, – прежде она со мною любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочет взглянуть на меня.

С большим трудом удалось обратить все это в шутку и заставить его улыбнуться».

Впрочем, мы несколько уклонились от темы, хотя судьбы Пушкина и Дениса Давыдова весьма близки.

«Возьмите меч – я недостойн брани!»

Второй раз Денис Васильевич влюбился в балерину Татьяну Иванову.

Биограф Дениса Давыдова Геннадий Серебряков рассказывает: «Из-под густых темных ресниц с живостью и интересом глянули на Дениса такие ясные, чистые и глубокие глаза какого-то невиданного им до сей поры зеленого озерного оттенка с золотыми искорками внутри, что голова его закружилась от нахлынувших на него разом счастья, радости, сладостного предчувствия и томительной тревоги...»

И далее в книге: «Так в жизнь Давыдова вошла еще одна безудержная и пылкая любовь. Вместе с этой любовью теплою властной волной подхлынуло к его сердцу и вдохновение. Давно писавший стихи лишь урывками, он вновь почувствовал к ним неведомую тягу. Ту страсть, которую Денис испытывал к почти недоступной Танечке Ивановой, видимо, можно было выразить лишь в возвышенных и элегических строках, полных восторга и упоения ее юной красой и в то же время чуточку грустного осознания своей едва ли не полной незащитности перед строгой и покоряющей властью ее обаяния:

Возьмите меч – я недостойн брани!
Сорвите лавр с чела – он страстью помрачен!
О боги Пафоса, окуйте мощны длани
И робким пленником в постыдный риньте плен!

Я – ваш! И кто не воспылает!
Кому не пишется любовью приговор,
Как длинные она ресницы подымает,
И пышет страстью взор!

Славный боевой генерал был влюблен, как мальчик. Ни о чем другом он не мог даже и помышлять. Он был готов и дневать, и ночевать возле “угрюмого серого дома, похожего на казарму”, где жили воспитанницы театрального училища. Содержали их там в великой строгости. Смотрителем и хранителем юных дарований значился старый, уволенный от сцены актер Украсов, долгие годы игравший на сцене злодеев и потому, должно быть, всею сутью вжившийся в свое амплуа и озлобившийся противу всего белого свету. Это был сущий цербер и обликом, и характером, сговориться с которым не удавалось ни добром, ни строгостью. Денис и увещевал его, и вождеденно хрустел перед его сизым носом крупною ассигнацией, все было понапрасну».

Как же развивался роман? Впрочем, что вообще называлось романом? Ведь зачастую это были лишь короткие, мимолетные встречи, были лишь взгляды из-под бровей и таинственные улыбки. Вот как с прекрасной балериной...

«Теперь ничего не оставалось, как встречать Танюшу среди прочих воспитанниц у глухого подъезда, куда с грохотом подкатывал тяжелый фургон, крашенный в зеленый “Государев” цвет, возивший юных танцовщиц на репетиции и обратно. Здесь надо было уловить момент, чтобы успеть сказать своей разлюбезной несколько ласковых слов, передать в подарок какую-нибудь драгоценную безделушку либо исполненное любви и нежности письмо.

Одержимый своею страстью, Денис даже не заметил, как завершилось скорое московское лето, а следом и осень, и запуржила ранняя в этом году зима. На ветру и морозе Денис все так же стыл по ночам в щеголеватом и легоньком кавалерийском плаще под тусклым масляным фонарем на полосатом заиндевевшем столбе, вглядывался в слабо мерцающие окна и с неистовым громокипящим гневом клял окаянную мрачно-неприступную казарму, где томи-

лась в заточении его красавица. Это и выражалось потом в жгучих, яростных, ниспровергающих все препоны стихах:

...Увижу ли тебя, услышу ль голос твой?
И долго ль в мрачности ночной
Мне с думой горестной, с душой осиротелой
Бродить вокруг обители твоей,
Угадывать окно, где ты томишься в ней,
Меж тем как снежный вихрь крутит среди полей
И свищет резкий ветер в власах оледенелых!

Этими стихами Денис Давыдов еще раз доказывал, что и под гусарским доломаном с генеральскими эполетами он, по словам князя Вяземского, оставался российским Анакреоном – певцом любви и пиров. Впрочем, в эту пору отступили в сторону даже пиры. Все заслонила любовь».

Автор показывает в книге чисто платонический роман: «С Танюшей Ивановой отношения у Давыдова в эту пору проистекали весьма сложно. С нею он почти не виделся. Играть перед юною танцовщицей роль развенчанного героя ему представлялось мучительным, а искать слова в свое оправдание и в осуждение какого-то неведомого недоброжелателя – тем более... Она же, в свою очередь, предполагала внезапное охлаждение с его стороны и объясняла это каким-либо новым увлечением лихого гусара. Видимо, в пику ему, как сказывали, Танюша начала выказывать явную благосклонность хлыщеватому балетмейстеру-поляку Адаму Глушковскому, давно за ней увивавшемуся. В результате страдали оба – и Денис, и Татьяна, и выхода из этого двойственного состояния покуда не виделось».

Ну а потом снова позвала служба. Татьяна Ивановна Иванова не дождалась его – вышла замуж за балетмейстера Глушковского.

Итак, вторая неудача...

Служба шла своим чередом. Когда Денис Давыдов получил назначение в Малороссию, под Киев, он влюбился в племянницу Раевских Елизавету Антоновну Золотницкую, которая, по отзывам современников, была красоты необыкновенной.

В это же время Денис Васильевич получил признание как поэт, и Общество любителей российской словесности избрало его своим действительным членом.

До этого дня он никогда не называл себя поэтом, хотя написал уже множество стихов, а Пушкин, как уже упоминалось, даже называл его своим учителем в поэзии. Но... писатель и не должен сам называть себя писателем.

Ведь у каждого литератора наступает свой заветный звездный час, когда он, словно пробужденный или рожденный заново, отмечает свои заурядные поделки, стряхивает пыль серой прозы, и, воспарив над самим собою, рассыпает на страницах будущей книги искры вдохновенных слов, складывая их во вдохновенные фразы, главы, наконец, в произведения. И тогда он пишет, пишет, пишет, потому что не может не писать, и тогда свершается чудо – литератор, сочинитель становится Писателем в полном и ясном понимании этого слова. Нелегко литератору воплотиться в особенный, в чем-то даже мистический ранг Писателя. Ведь звание Писателя, а тем более Поэта, не может быть дано лишь за количество изведенной бумаги на размножение типографским способом написанного пером. Оно дается за что-то высшее, подчас необъяснимое, за сотворение Истины, облеченной в художественную форму. Именно не за творение, а за сотворение, ибо никто, кроме Творца, ничего не творит и не создает сам, а лишь сотворяет Его волею и с Его помощью. И каждый литератор, положив перед собой чистый лист бумаги, призывая на помощь Самого Творца, все-таки надеется на эту помощь.

Денис Давыдов был поэтом от бога. Он жил, как поэт, он и любил как поэт. Но не все понимали это и не все воспринимали его так, как нужно воспринимать поэта.

Когда Денис Васильевич сделал предложение, родители Золотницкой не дали согласия сразу, поскольку не видели особых перспектив для дочери. Отец Елизаветы определил непременно жесткое условие – Денис Давыдов должен выхлопотать у Государя в аренду казенное имение. Такая форма в ту пору была. Отличившиеся по службе военные имели право на государственную поддержку.

Пришлось срочно ехать в Петербург. Денис Васильевич обратился за помощью к Василию Андреевичу Жуковскому. Тот был близок ко двору, ну а уж как он относился к поэту – известно.

В знаменитом стихотворении «Певец во стане русских воинов» ему посвящены Жуковским такие строки:

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы.

1812

А вот еще одно стихотворение:

«Д.В. Давыдову. При посылке издания “Для немногих”»

Мой друг, усатый воин!
Вот рукопись твоя;
Промедлил, правда, я,
Но, право, я достоин,
Чтоб ты меня простил!
Я так завален был
Бездельными делами,
Что дни вослед за днями
Бежали на рысях;
А я и знать не знаю,
Что делал в этих днях!
Все кончив, посылаю
Тебе твою тетрадь;
Сердитый лоб разгладь
И выговоров строгих
Не шли ко мне, Денис!
Терпеньем ополчись
Для чтенья рифм убогих
В журнале «Для немногих».
В нем много пустоты;
Но, друг, суди не строго,
Ведь из немногих ты,
Таков, каких не много!
Спи, ешь и объезжай
Коней четвероногих,
Как хочешь, – только знай,

Что я, друг, как немногих
Люблю тебя. – Прощай.

1818

Василий Андреевич Жуковский помог быстро решить все дела, и Денису Давыдову «в связи с предстоящей женитьбой» выделили в аренду казенное имение Балты. Оно было достаточно прибыльным и приносило шесть тысяч рублей в год.

В отсутствие Дениса Васильевича за Елизаветой Антоновной стал ухаживать князь Петр Голицын. И она сдалась. Видно, стать княгиней ей показалось предпочтительней. Она дала согласие на предложение князя, да и родители на этот раз не выставляли никаких условий. Но как же быть с женихом? Повидаться с ним и сказать все прямо, она не решилась. Отказ передала через отца.

Денис Васильевич тут же отозвался на это стихотворением, которое назвал «Неверной»:

Неужто думаете вы,
Что я слезами обливаюсь,
Как бешеный кричу: увы!
И от измены изменяюсь?
Я – тот же атеист в любви,
Как был и буду, уверяю;
И чем рвать волосы свои,
Я ваши – к вам же отсылаю.
А чтоб впоследствии не быть
Перед наследником в ответе,
Все ваши клятвы век любить —
Ему послал по эстафете.
Простите! Право, виноват!
Но если б знали, как я рад
Моей отставке благодатной!
Теперь спокойно ночи сплю,
Спокойно ем, спокойно пью
И посреди собратьи ратной
Вновь славу и вино пою.
Чем чахнуть от любви унылой,
Ах, что здоровей может быть,
Как подписать отставку милой
Или отставку получить!

1817

Так провалилась еще одна его попытка устроить личную жизнь.

«Сегодня вечером решится жребий мой...»

Александр Барков в книге «Денис Давыдов» рассказывает: «В апреле 1819 года Денис Давыдов женился в Москве на Софье Николаевне Чириковой. С этой обаятельной, кроткой и добродушной девушкой из дворянской семьи его познакомила сестра Сашенька в доме Бегичевых. По этому весьма важному поводу, должному круто изменить всю его прежнюю ухарскую и кочевую жизнь, Давыдов написал шутивное и озорное стихотворение, назвав его: «Решительный вечер»:

Сегодня вечером увижусь я с тобою,
Сегодня вечером решится жребий мой.
Сегодня получу желаемое мною —
Иль абшид на покой!

А завтра – черт возьми! – как зюзя натянуся,
На тройке ухарской стрелою пролечу,
Проспавшись до Твери, в Твери опять напьюся,
И пьяный в Петербург на пьянство поскачу!

В приданое были даны село Верхняя Маза и винокуренный завод под Бузулуком в Оренбургской губернии».

Денис Васильевич сообщил об этом Вяземскому: «...Так долго не писал, потому что долго женихался, потом свадьба, потом вояж в Кременчуг и в Екатеринослав на смотры. Но едва приехал домой, как бросился писать друзьям, из которых ты во главе колонны. Что тебе сказать про себя? Я счастлив! Люблю жену всякий день все более, продолжаю служить и буду служить век, несмотря на привязанность к жене милой и доброй, зарыт в бумагах и книгах, пишу, но стихи оставил! Нет поэзии в безмятежной и блаженной жизни».

Петр Вяземский записал в дневнике: «Денис, и в зрелости лет, и когда уже вступил в семейную жизнь, сохранил до кончины изумительную молодость сердца и нрава. Веселость его была прилипчива и увлекательна. Он был душою и пламенем дружеских бесед: мастер был говорить и рассказывать. Особенно дивился я той неиссякаемой струе живости и веселости, когда он приезжал в Петербург, и мы виделись с ним уже по миновании года, а когда и более. Мы все в Петербурге более или менее старообразны и однообразны. Он всем духом и складом ума был моложав».

Денис Васильевич любил детей, и за детьми дело не стало... Софья родила ему девяти-терых: пятерых сыновей – Дениса, Василия, Николая, Вадима, Ахилла и четырех дочерей – Юлию, Марию, Екатерину, Софью.

Он сроднился с военной службой, от которой никогда не отлынивал, но теперь настрой его изменился – он все чаще стал спрашивать себе отпуска, чтобы находиться дома рядом с любимой женой и детьми.

Биограф отметил: «Даже Кавказская война, куда он был направлен под начало генерала Ермолова, его не увлекла. Он пробыл в действующей армии всего два месяца, а затем выпросил у Ермолова шестинедельный отпуск для поправки здоровья. Заехав для вида на минеральные воды, разослав для убедительности несколько писем о своей болезни (в том числе и Вальтеру Скотту), он помчался на Арбат в Москву, где его в то время ждали три сына и беременная в очередной раз Софья».

Но окончательно выйти в отставку долгое время не получалось. Его попросту не отпускали, держа на службе как реликвию. Правда, делами не загружали, «вся его служба ограничивалась ношением генерал-лейтенантского мундира».

Он был безмерно счастлив в семье и совсем забросил поэзию. Работал над многими историческими произведениями, над воспоминаниями. Четырнадцать лет Денис Давыдов не писал стихов, и кому-то могло показаться, что нет больше «поэта-партизана» певца шампанского и женщин, удали и отваги.

И вдруг письмо Жуковскому: «Скажу тебе, что из степного жилья моего переехал на зиму в Пензу... Здесь ежедневно балы, гастрономические обеды, вечера, катанья, благородные спектакли и концерты, словом, весь хаос столицы, сея надеждами, сплетнями, интригами, волокитствами, а как я подобно тебе не могу без юбки-вдохновительницы, то избрал для себя бывший твой предмет Золотареву».

Он был очень строг к себе, к своему творчеству, но вдруг написал:

«Последние стихи, сам скажу, что хороши... Да и есть ли старость для поэта? Я, право, думал, что век сердце не встрепенется и ни один вздох из души не вырвется. Золотарева все поставила вверх дном: и сердце забилося, и стихи явились...»

«Я вас люблю затем, что это – Вы!..»

Вновь полились удивительные стихи:

В тебе, в тебе одной природа не искусство,
Ум обольстительный с душевной простотой,
Веселость резвая с мечтательной душой,
И в каждом слове мысль, и в каждом взоре чувство.

Биограф Дениса Давыдова написал довольно смело, с точки зрения морали, установленной женщинами, особенно женщинами замужними, которые не видят и никогда не увидят оправданий «мужским шалостям»:

«Роман с Евгенией Золотаревой вернул русской литературе ни на кого не похожего поэта и одарил барышню из пензенского захолустья бессмертием. Кто бы о ней вспомнил, если бы не Денисовы строчки, заряженные такой энергией мужского восторга, таким ликованием, которых хватило бы встряхнуть всех прошлых и нынешних меланхоликов?»

Я вас люблю без страха, опасенья
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы, —
Я мог бы вас любить глухим, лишенным зренья...
Я вас люблю затем, что это – Вы!..

Стихи лились рекою. И какие стихи:

Не пробуждай, не пробуждай!
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память – мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.

Так кто же она, его избранница? Кому поэт посвятил эти и множество других стихотворений?

В 1831 году Денис Васильевич поехал в Пензу в гости к своему другу и сослуживцу Бекетову. И в доме Бекетова встретил дочь пензенского помещика Евгению Дмитриевну Золотареву, которая была моложе его на 27 лет. Но как же так, ведь он любил жену, ведь он врос в свою семью и растворился в ней?! Да, это все так, но сердце поэта «ни на час не может быть свободно от любви». В данном случае я использовал фразу Екатерины Великой из ее знаменитой «Чистосердечной исповеди», адресованной Потемкину. Есть натуры влюбчивые, но если влюбчивость касается поэта, то, как говорится, пиши пропало.

Девушка знала творчество Дениса Давыдова, а о безумной храбрости много слышала от своего дяди, воевавшего под его началом. И когда увидела впервые, ее сердце дрогнуло, и уже не могло оставаться равнодушным.

Денис Давыдов был невысок ростом, да и красавцем не считался, но, по отзыву современников, «живая физиономия и блестящие выразительные глаза с первого раза привлекали внимание в его пользу».

Конечно, девушка не бросилась сразу в омут с головой. Она поначалу робко отвечала на стремительный порыв Дениса Васильевича. Бекетов знал о тайных свиданиях в парке своего имения, но старался закрывать на это глаза. Его супруга, Анна Дмитриевна, пыталась противиться развивающимся отношениям. Беспокоилась она по понятным причинам. Евгению нужно было думать об устройстве личной жизни, о замужестве, ведь было совершенно ясно, что Денис Васильевич семью ради нее не оставит. Но что она могла поделать?! Она пыталась убедить Евгению Дмитриевну, что та принимает восторг за влюбленность, что она не может отделить образ легендарного героя от уже немолодого мужчины, да к тому же женатого – она просто, подавленная этим самым восторгом, не воспринимает действительность. Но все тщетно.

Отношения долго оставались не завершенными, не решенными, но... вот появилось стихотворение, которое дает основания полагать, что Денис Васильевич не был отвергнут:

Я не ропщу.
Я вознесен судьбою
Превыше всех!
Я счастлив, я любим!
Приветливость даруется тобою
Соперникам моим...
Но теплота души, но все, что так люблю я
С тобой наедине...
Но девственность живого поцелуя...
Не им, а мне!

И вот уже летит к П. Вяземскому стихотворение «Вальс». Денис Васильевич просит не печатать его, но... тогда зачем посылать? Словно игра с огнем – он ведь всегда ходил по лезвию бритвы, он ведь всегда был на линии огня, начиная со своего первого боя, со своего боевого крещения во время кампании 1807 года в Восточной Пруссии и Польше.

Посвящение не так уж и сложно разгадать – «Ев. Д. З...ой».

Кипит поток в дубраве шумной
И мчится скачущей волной,
И катит в ярости безумной
Песок и камень вековой.
Но, покорен красой невольной,
Колышет ласково поток
Слетевший с берега на волны
Весенний, розовый листок.
Так бурей вальса не сокрыта,
Так от толпы отличена,
Летит воздушна и стройна
Моя любовь, моя харита,
Виновница тоски моей,
Моих мечтаний, вдохновений,
И поэтических волнений,
И поэтических страстей!

Какое чудо – стихотворения этого периода:

В былые времена она меня любила
И тайно обо мне подругам говорила,
Смущенная и очи спустя,
Как перед матерью виновное дитя.
Ей нравился мой стих, порывистый, несвязный,
Стих безыскусственный, но жгучий и живой,
И чувств расстроенных язык разнообразный,
И упоенный взгляд любовью и тоской.
Она внимала мне, она ко мне ласкалась,
Унылая и думую полна,
Иль, ободренная, как ангел улыбалась
Надеждам и мечтам обманчивого сна...
И долгий взор ее из-под ресниц стыдливых
Бежал струей любви и мягко упал
Мне на душу – и на устах пылал
Готовый поцелуй для уст нетерпеливых...

Это написано летом 1834 года. И еще год необыкновенного счастья. Но потом, потом в ноябре 1835 года последовал вынужденный отъезд. Разлука. И неизвестность. Возможны ли новые встречи. Ведь жена заподозрила что-то неладное и противилась его поездкам в Пензу.

Мария Рославлева, племянница Пензенского губернатора, стала той одной лишь из подруг, которой Евгения поведала свои мысли. Их сблизила общность обстоятельств. Мария была влюблена в Николая Огарева. В феврале 1836-го Огарев сделал предложение и получил согласие. Сохранились письма, подобные этому: «Единственная, которую я могу истинно любить, это ты, и я клянусь тебе, что эта любовь будет вечною... Я живу другою жизнью с тех пор, как люблю тебя; возьми меня перерожденного и забудь прежнего меня: то был почти зверь, этот – человек».

Именно Мария, девушка решительная, советовала бороться за любовь и если нужно, идти до конца. Не Марии ли посвящено стихотворение Огарева, два слова из которого стали знаменитыми, благодаря Ивану Алексеевичу Бунину, назвавшему цикл из 38 блистательных рассказов о любви «Темные аллеи»:

Была чудесная весна!
Они на берегу сидели —
Река была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пели;
Тянулся за рекою дол,
Спокойно, пышно зеленея;
Вблизи шиповник алый цвел,
Стояла темных лип аллея.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидели —
Во цвете лет была она,
Его усы едва чернели.
О, если б кто увидел их

Тогда, при утренней их встрече,
И лица б высмотрел у них
Или подслушал бы их речи —
Как был бы мил ему язык,
Язык любви первоначальной!
Он верно б сам, на этот миг,
Расцвел на дне души печальной!..
Я в свете встретил их потом:
Она была женой другого,
Он был женат, и о былом
В помине не было ни слова;
На лицах виден был покой,
Их жизнь текла светло и ровно,
Они, встречаясь меж собой,
Могли смеяться хладнокровно...
А там, по берегу реки,
Где цвел тогда шиповник алый,
Одни простые рыбаки
Ходили к лодке обветшалой
И пели песни – и темно
Осталось, для людей закрыто,
Что было там говорено,
И сколько было позабыто.

Впрочем, стихотворение написано в 1842 году, а свадьба с Марией состоялась в 1838-м. В нем скорее отражена судьба Дениса Давыдова и Евгении Золотаревой. Зная, как любит Денис Васильевич свою семью, как привязан к детям, она не решилась идти до конца, как советовала подруга, да и был ли смысл?! Любовь поэта призрачна и быстротечна.

Была еще встреча в Москве, когда туда приезжала Евгения, а Денис Васильевич при-мчался, чтобы проверить, верны ли слухи о ее предстоящем замужестве. Говорили, что к ней сватается немолодой уже и «смешной» помещик Манцев.

Евгения не стала огорчать Дениса Васильевича, да, видно, еще и не решила окончательно, как поступить. И все же она вышла за Манцева.

И появилось еще одно пусть грустное, но замечательное стихотворение – крик души поэта:

О, кто, скажи ты мне, кто ты,
Виновница моей мучительной мечты?
Скажи мне, кто же ты? – Мой ангел ли хранитель
Иль злобный гений-разрушитель
Всех радостей моих? – Не знаю, но я твой!
Ты смяла на главе венки мой боевой,
Ты из души моей изгнала жажду славы,
И грезы гордые, и думы величавы.
Я не хочу войны, я разлюбил войну, —
Я в мыслях, я в душе храню тебя одну.
Ты сердцу моему нужна для трепетанья,
Как свет очам моим, как воздух для дыханья.
Ах! чтоб без трепета, без ропота терпеть

Разгневанной судьбы и грозы и волнения,
Мне надо на тебя глядеть, всегда глядеть,
Глядеть без устали, как на звезду спасенья!
Уходишь ты – и за тобою вслед
Стремится мысль, душа несется,
И стынет кровь, и жизни нет!..
Но только что во мне твой шорох отзовется,
Я жизни чувствую прилив, я вижу свет,
И возвращается душа, и сердце бьется!

И все же он еще раз побывал в Пензе в августе 1836 года. Но Анна Дмитриевна приняла на этот раз очень сухо, а последняя встреча с Евгенией разбила сердце. И Давыдов написал:

Я оставляю все мечты
Моей души развороженной...
И этот край очарованья,
Где столько был судьбой гоним,
Где я любил, не был любим,
Где я страдал без состраданья,
Где так жестоко испытал
Неверность клятв и обещаний, —
И где никто не понимал
Моей души глухих рыданий!

Кроме множества стихотворений, сохранилось еще и пятьдесят семь писем к Евгении Золотаревой – последней музе Дениса Васильевича. Только после ухода из жизни Евгении Дмитриевны ее сын Анатолий Васильевич Манцев передал их издателям. Он счел, что такие письма не должны исчезнуть бесследно.

«И неподкупный голос мой был эхо русского народа». Поэзия любви Пушкина (1799–1837)

«Явись, возлюбленная тень...»

Первая любовь Пушкина! Кто же она, кто та, к кому поэт испытал ее? Кому посвятил он свои первые нежные, восторженные и романтические строки?

Долгое время считалось, что той женщиной была Анна Керн. Хотя для первой любви поэту в то время было уже много лет. Да и стихи, яркие стихи были написаны ранее, нежели знакомство с той, которая вдохновила на изумительные строки: «Я помню чудное мгновение...»

Чудные мгновения он испытывал и ранее.

Еще лицеистом он создал целый цикл стихотворений, поэтических посвящений той, что стала владычицей его чувств, его мыслей, его грез.

Биографы долгое время полагали, что это старшая сестра сокурсника поэта Александра Бакунина фрейлина Екатерина Бакунина.

Александр Бакунин был сверстником Пушкина – он тоже родился в 1799 году и поступил в Царскосельский лицей в 1811 году. После окончания лицея он избрал военную стезю и даже некоторое время был адъютантом знаменитого героя Отечественной войны 1812 года Николая Николаевича Раевского. Затем перешел на гражданскую службу и в 1842 году стал Тверским гражданским губернатором.

Поскольку Бакунин был приятелем Пушкина, а сестра его летом жила в Царском Селе, отчего же и не быть любви? Недаром же в пушкинском лицейском цикле все кричит об этом:

В те дни... в те дни, когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманом пылких снов,
Везде искал ее следов,
О ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастья тайных мук узнал.

В подтверждение того, что стихи посвящены Бакуниной, приводился дневник Пушкина, в котором поэт записал: «29 ноября. Я счастлив был... Нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу – ее не видно было – наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с ней на лестнице. Сладкая минута! Как она была мила! Как черное платье пристало милой Бакуниной, но я не видел ее 18 часов – ах, но я был счастлив 5 минут».

Но вот в «Тайнах преступления» № 6 за 2014 год – Приложении к журналу «Чудеса и приключения» – появилась публикация Элеоноры Лебедевой «Царицу нашу втайне пел...». Там говорится, что одна из исследовательниц творчества Пушкина «обратила внимание на дневниковую запись Пушкина, где он твердою рукой вычеркивает имя Бакуниной». И приво-

дится запись: «Встреча на лестнице произошла 28 ноября 1815 г., в тот самый день, когда Елизавета приезжала в Лицей и была в трауре по своему зятю – принцу Брауншвейгскому – то есть в черном платье. В лицейских элегиях появляются трагические мотивы – поэт хочет оставить этот мир:

Прости, печальный мир,
Где темная стезя над
бездной для меня лежала,
Где жизнь меня не утешала,
Где я любил, где мне любить
нельзя!»

Елизавета? Неужели речь идет об императрице Елизавете Алексеевне, супруге Александра I? Но каким образом даже не юноша, а отрок Пушкин мог влюбиться в императрицу России, где он впервые увидел ее, где услышал ее голос? В стихах воспеты и красота, и голос Елизаветы Алексеевны.

19 октября 1811 года состоялось открытие нового привилегированного учебного заведения, названного «Царскосельским Лицеем». Лицей был размещен в Царском Селе, в четырехэтажном флигеле Екатерининского дворца. Флигель был построен по проекту архитектора В. Стасова. Специальный переход вел из дворца непосредственно в залы Лицея. Первым директором Царскосельского лицея стал Василий Федорович Малиновский.

На открытие прибыли император с супругой, великие князья, знатные и великие люди России. Праздник продолжался весь день, а вечером всех буквально сразил великолепный фейерверк. На этом празднике Пушкин и его сокурсники впервые увидели императрицу. Не только Пушкин был сражен красотой, добротой, пронизательностью, величайшим тактом Елизаветы Алексеевны. Многие лицеисты были с первого взгляда влюблены в нее. Но Пушкин был поэтом, не просто поэтом, он был Русским гением – а гений и любит по-иному, и чувствует иначе. И чувства его обострены, и поступки его непредсказуемы... Потому вполне понятны и «трагические мотивы» в его творчестве, вызванные этой еще по-мальчишески безрассудной, но уже по-взрослому всепобеждающей любовью.

И рождались строки:

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадиллом лести не кадил.
Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода

Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Стихотворений было много, и все необыкновенно восторженные, яркие, пронзительные:

Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.
Ее чела я помню покрывало.

Признания следовали за признаниями:

Недавно, обольщен прелестным сновиденьем,
В венце сияющем, царем я зрел себя;
Мечталось, я любил тебя —
И сердце билось наслажденьем.
Я страсть у ног твоих в восторгах изъяснял,
Мечты! ах! отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только – царство потерял.

Юношеская влюбленность – особая влюбленность. Тут нет компромиссов. Известно отношение Пушкина к императору. Известны его стихи:

Воспитанный под барабаном,
Наш Царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В Двенадцатом году дрожал!

Зато он фрунтовой профессор!
Но фронт герою надоел —
Теперь коллежский он ассессор
По части иностранных дел.

Но только ли возмущение по поводу царствования? А быть может, Пушкин в то время был еще достаточно далек от политики и занимали его совершенно другие мысли? Мысли о том, как поступал император со своей супругой? Именно этого он не мог понять и принять? Ведь его думы могли быть и таковыми – она, совершенство, божество, любит его, а он фактически бросил ее. Их супружество оставалось лишь внешним, поскольку царствующие особы ограничены в своих действиях в этом направлении. Юношеская ревность к тому, кого любит возлюбленная, сменилась ненавистью... Биографами было найдено письмо, по понятным причинам не отправленное, в котором юный Пушкин обещал убить императора за такое его отношение к супруге. Но впоследствии, когда прошло время, и главное, когда императора уже не было в живых, во всяком случае, не было на престоле, когда уже было известно, что в последние годы царствования он неожиданно повернулся всей душой к супруге, вдруг, совершенно вскользь, промелькнули строки, на которые историки не обратили внимания. Эти строки появились в 1833 году в «Медном всаднике», и не замечены, поскольку все внимание было обращено к описываемому наводнению в Санкт-Петербурге:

...Народ
Зрит божий гнев и казни ждет.
Увы! все гибнет: кров и пища!
Где будет взять?
В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил...

Со славой правил... Эта строка говорит о том, что в юношеской эпиграмме было все-таки больше личного, была обида за возлюбленную хоть и недостижимую, но боготворимую и поэтически обожествляемую, о которой он сказал «которая была мне в мире Богом». Это строка из «Элегии» («Я видел смерть...»):

Я видел смерть; она в молчанье села
У мирного порога моего;
Я видел гроб; открылась дверь его;
Душа, померкнув, охладела...
Покину скоро я друзей,
И жизни горестной моей
Никто следов уж не приметит;
Последний взор моих очей
Луча бессмертия не встретит,
И погасающий светильник юных дней
Ничтожества спокойный мрак осветит.

.....

Прости, печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала —
Где вера тихая меня не утешала,
Где я любил, где мне любить нельзя!
Прости, светило дня, прости, небес завеса,
Немая ночи мгла, денницы сладкий час,
Знакомые холмы, ручья пустынный глас,
Безмолвие таинственного леса,
И все... прости в последний раз.

А ты, которая была мне в мире Богом,
Предметом тайных слез и горестей залогом,
Прости! минуло все... Уж гаснет пламень мой,
Схожу я в хладную могилу,
И смерти сумрак роковой
С мученьями любви покроет жизнь унылу.

А вы, друзья, когда, лишенный сил,
Едва дыша, в болезненном боренье,
Скажу я вам: «О други! я любил!..»
И тихий дух умрет в изнеможенье,
Друзья мои, — тогда подите к ней;
Скажите: взят он вечной тьмою...

И, может быть, об участи моей
Она вздохнет над урной гробовою.

1816

Элеонора Лебедева в «Тайнах и преступлениях» раскрывает еще один удивительный факт. Она пишет, что горькая ирония состоит в том, что Пушкин «женился на дочери той, что когда-то причинила боль обожаемой государыне».

Вот это загадка! Посмотрим пояснение. Пушкин узнал, ему постарались сообщить, видя каковы его отношения с тещей, что «тот Охотников, в которого была влюблена императрица, на самом деле любил Наталию Ивановну, так что тут была ревность».

Далее Элеонора Лебедева пишет: «Здесь нужен комментарий: глава о тайной любви Елизаветы Алексеевны и кавалергарда Алексея Яковлевича Охотникова по требованию императора Николая II была исключена при публикации 3-томной биографии императрицы. В наше время историки докопались, опубликовали эту главу, и теперь трагедия Елизаветы, одинокой в семье Романовых, покинутой мужем, потерявшей двух маленьких дочерей, вышла на передний план в современных гламурных повествованиях об августейшей семье...»

Ну и далее сообщается, что «Алексей Охотников получил удар кинжалом при выходе из Эрмитажного театра. Он умирал три месяца и умер 30 января 1807 года. А 27 января фрейлину Наталию Ивановну Загряжскую обвенчали с Николаем Афанасьевичем Гончаровым в церкви Зимнего Дворца в присутствии августейшей семьи, т. е. с почетом удалили от двора: как замужняя дама, она уже не могла быть фрейлиной...».

Далее в статье упоминается, что дата 27 января стала в какой-то степени мистической, ведь спустя 30 лет 27 января 1837 года Пушкин был смертельно ранен на дуэли Дантесом. Не исключено, что день дуэли был назначен не случайно. Много загадочного и в самой дуэли, и в ее подготовке. Но о дуэли мы еще поговорим.

В журнальной статье отмечено и еще одно событие: «Последняя встреча с императрицей связана с текстом злобного пасквиля, в котором Пушкина назначили заместителем великого магистра ордена рогоносцев Дмитрия Львовича Нарышкина, тем самым напомнив об Александре I и Марии Антоновне Нарышкиной, многолетней фаворитке императора... которая много крови попортила Елизавете».

Так что Пушкину было нанесено сразу два оскорбления – лично ему и его возлюбленной, что перенести было невозможно.

Но как объяснить то, что необыкновенная пара, какую были великий князь Александр Павлович и баденская принцесса Луиза Мария Августа, пара, которую сравнивали с голубками, которой восхищались современники, не выдержала испытаний и фактически распалась? У него появилась Нарышкина, у нее – Охотников.

Многие объясняют это примитивно и просто – не все любящие друг друга до бракосочетания сохраняют свою любовь в браке. Но тут случай особый. Чтобы понять это, достаточно прочитать, что писали о великом князе и его супруге современники. И вдруг любовь исчезла... Но мы пытаемся объяснить все с точки зрения официальной историографии, подразумевая, что в 1801 году на престол вступил Александр Павлович. А если это был внебрачный сын Павла Петровича Симеон Афанасьевич Великий, как две капли воды похожий на него? Не могла же Елизавета Алексеевна перенести автоматически свою любовь на него. И он не обязательно должен был полюбить супругу своего единокровного брата, убиенного вовсе не им, а теми, кто заварил кашу, пытаясь превратить ее в смуту.

Если внимательно отнестись к исследованиям выдающегося ученого, дешифровщика древних текстов и тайнописей Геннадия Станиславовича Гриневича, все встанет на место.

Ну и с этой точки зрения увлечение императора вполне объяснимо. Он был свободен от многих обязательств, на нем лежали лишь те обязательства, которые он принял на себя вместе

с именем того, кого заменил в наследовании престола, а следовательно, когда время пришло, и на престоле. Мария Нарышкина была неотразима, даже Михаил Илларионович сказал как-то, что женщин стоит любить, раз есть среди них такая, как Мария Антоновна Нарышкина.

Державин написал ей в посвящении «Аспазии»:

Блещет Аттика женами,
Всех Аспазия милей:
Черными очей огнями,
Грудью пенною своей.
Удивляючи Афины,
Превосходит всех собой;
Взоры орли, души львины
Жжет, как солнце, красотой.

Отметил он и ум Нарышкиной и ее умение держать себя...

Угождают ей науки,
Дань художества дают,
Музыкальски сладки звуки
В взгляды томность ей лиют.

Она чувствует, вздыхает,
Нежная видна душа,
И сама того не знает,
Чем всех больше хороша.

Стихотворение датировано 24 апреля 1809 года.

Ее красотой восхищались многие. Знаменитый русский мемуарист, хороший знакомый Пушкина, Филипп Филиппович Вигель отметил, что «красота ее была до того совершенна, что казалась невозможною, неестественною... Идеальные черты лица и безукоризненность фигуры выступали еще ярче при всегдашней простоте ее наряда».

Вигель прибавил к написанному: «О взаимной любви ее с Императором Александром я не позволил бы себе говорить, если бы для кого-нибудь она оставалась тайной».

Ну и то, что император Александр I и Елизавета Алексеевна все-таки повернулись друг к другу в конце царствования, вполне объяснимо – они были пострадавшими во всей этой истории, не ими затеянной. Они вынуждены были идти по жизни рядом, даже тогда, когда сердца их противились этому. А между тем время шло, Охотников был убит, ну а чувства к Нарышкиной истаяли. Во всяком случае, многие свидетельства указывают на то, что, к примеру, во время путешествия на юг, особенно в период жизни в Таганроге, ничто не говорило о том, что у императора и императрицы отсутствуют взаимные чувства.

Что же произошло? Некоторые биографы полагают, что Нарышкиной наскучила роль любовницы. Видя, что император мало интересуется своей супругой, она решила, в конце концов, воспользоваться этим и потребовала, чтобы он порвал с Елизаветой официально и женился на ней. И вот тогда настала пора императору по-иному взглянуть на свою жизнь. Ведь все эти годы он полностью не порывал с Елизаветой, хотя не только не ревновал ее, но даже, как считают некоторые исследователи, был инициатором ее первой ему измены с его же другом Адамом Чарторыйским. И в то же время он понимал, что Елизавета душою расположена к нему, а ее увлечения если и были, то лишь от отчаяния.

В конце своего царствования он резко переменял свое отношение к жене и прервал волокитство за другими женщинами. У Елизаветы же несколько пошатнулось здоровье. Он предложил немедленно ехать в Италию на лечение, причем сам собирался везти ее туда.

Елизавета ответила:

– Я хочу умереть в России!

– Нет, Вы не умрете! Вы еще молоды! – возразил император. – Мы едем в Таганрог – там прекрасный климат!

В Таганроге был срочно подготовлен дворец. И императорская чета отправилась туда. Им суждено было два месяца счастья. Счастья семейной жизни, счастья в любви, которого они, быть может, в такой мере не видели еще в своей жизни. Елизавета быстро пошла на поправку. Они почти не расставались. И лишь однажды император совершил небольшую поездку, из которой вернулся больным.

О болезни его написано много, причем само состояние императора трактуется по-разному. Болезнь болезни рознь. Была ли это смертная болезнь или обычное заболевание. И вообще, откуда взялась эта болезнь? Ведь ничто не предвещало ее. Все было похоже на инсценировку. Быть может, вот эти два месяца необыкновенного счастья дали понять и императору и его супруге, что счастье в столице, где на них лежат огромные обязанности, где они подчинены законам, которые обязаны исполнять в точности, хотят того или не хотят, несмотря на свое высокое положение. Там они заложники этого своего положения. К чему же они пришли? К какому решению?

Биографы привычно говорят, что император умер на руках у жены, шепча слова любви. Но умер ли?

Тем не менее о смерти было объявлено... Произошли события, которые до основания сотрясли Россию. Россия устояла лишь благодаря мудрому решению императора, принятому и узаконенному заранее – он завещал передать престол великому князю Николаю Павловичу. По преданию, так ему повелел сделать святой праведный Серафим Саровский, которого он посетил незадолго до поездки в Таганрог.

Между тем полагалось организовать похороны, так как подобает. Цинковый гроб отправили в столицу.

И тут новая загадка – Елизавета Алексеевна на похоронах не присутствовала, поскольку снова заболела. Лишь четыре месяца спустя она выехала из Таганрога, но не смогла преодолеть весь путь и сделала остановку в Белеве Тульской губернии. И в столицу отправился еще один «запаянный гроб». Известно, что никто из ближайших родственников мертвой Елизаветы Алексеевны не видел.

А потом пошли слухи, что император не умер в Таганроге, а ушел странствовать. Чуть позже то же самое стали говорить и о Елизавете Алексеевне. А в 30-е годы в Сибири появился загадочный старец Федор Кузьмич, а в 1883 году в Валдайском остроге на допрос к следователю привели неизвестную, которая звалась Верою, но скрывала свое происхождение, хотя все выдавало в ней происхождение не простое. Да и сама она загадочно ответила следователю на вопрос, кто же все-таки она: «Если судить по небесному, то я – прах земли, а если по земному, то я – выше тебя!»

Интересно, что первое официальное известие о сибирском старце Федоре Кузьмиче относится к 1836 году. 4 сентября в Кленовской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии появился весьма подозрительный человек. Он ехал в телеге и остановился у кузницы, чтобы подковать лошадь. Кузнец был удивлен поведением этого странника, он показался ему подозрительным. Потихоньку дал знать властям. Странника схватили, допросили. Но он ничего не пожелал о себе рассказывать. Правда, назвался шестидесятилетним Федором Кузьмичом Кузьминым. Фамилию эту назвал в первый и последний раз. Далее он уже звался лишь по имени и отчеству. Не желая подвергать положенному за бродяжничество наказанию, пыта-

лись уговорить открыться, откуда он и кто, но тщетно. Тогда после наказания – 20 плетей – его сослали в Сибирь. Удивительно то, что и внешностью, и ростом, и своими манерами, и даже некоторыми физическими недугами он полностью походил на императора, правившего в России с 1801 по 1825 год.

И вот, что значилось в тайнописях Федора Кузьмича, расшифрованных Г.С. Гриневи-чем: «...Мое зло двойное: Император Александр – я, Симеон Великий. Я тьмы приверженец, суть злодей. Имя Первый – отсеку. Тайно наделю властью и силой Симеона – дурную главную ветвь».

На первый взгляд, может показаться, что это все уже не имеет никакого отношения к Пушкину, тем более, к его любовным драмам. Это не так. Давайте подумаем над таким вопросом: знал ли о легенде, касающейся императорской четы, Пушкин? Догадывался ли он о том, что возлюбленная его юности не ушла в мир иной? А ведь он переменял свое отношение к императору и вместо эпиграмм, которыми засыпал его в юности, сказал совершенно иные слова в «Медном всаднике».

Весной 1830 года состоялась помолвка Пушкина с Натальей Гончаровой. Правда, свадьбу пришлось отложить из-за приданого, которое не могли собрать Гончаровы и без которого не хотели выдавать дочь. Все тянулось и тянулось, и 31 августа Пушкин выехал в Болдино, где были у него дела по вступлению во владение помещьем. 3 сентября он прибыл на место и пробыл в Болдине около трех месяцев. Там он снова вспомнил о своей первой любви, о несравненной Елизавете Алексеевне, и написал поэтическое прощание с ней, поскольку впереди ждала жизнь семейная, к которой он относился очень серьезно:

В последний раз твой образ милый
Держаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

Написано стихотворение 5 октября 1830 г. в Болдине. Посвящение было поставлено загадочное. «К Е.В.» Биографы сделали вывод – посвящено Елизавете Воронцовой... Но позвольте... Елизавета Ксаверьевна Воронцова родилась в 1792 году, была старше Пушкина на 7 лет, а умерла в 1880-м! Пушкин действительно был увлечен ею какое-то время и действительно посвящал ей стихи. Он познакомился с ней во время своей поездки в Одессу в конце 1823-го. Вот отзыв о ней одного из современников: «Ей было уже за тридцать лет, а она имела все право казаться молоденькою... Со врожденным легкомыслием и кокетством желала она нравиться, и никто лучше ее в том не успевал. Молода она была душой, молода и наружностью. В ней не было того, что называется красотой; но быстрый, нежный взгляд ее миленьких

небольших глаз пронзал насквозь; улыбка ее уст, которой подобной я не видел, казалось, так и призывает поцелуй».

Считается, что некоторые ее черты легли в основу образа Татьяны в «Евгении Онегине». Но тогда к чему строки:

Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета?

Элеонора Лебедева не без основания считает, что стихотворение посвящено Елизавете Алексеевне. Тогда и посвящение становится понятно: «К Е.В.» – «К Ее Величеству».

Пушкин яснее выразиться не считал возможным. Ведь и в юношеском дневнике сначала значилось «Екатерина Бакунина», а потом это имя было зачеркнуто рукою поэта.

Что же касается могильного сумрака, то считалось, что Елизавета Алексеевна ушла из жизни 4 мая 1826 года. Случилось это по пути из Таганрога в Санкт-Петербург в городе Белев, Тульской губернии.

После весьма таинственной смерти Александра I, в Таганроге, вскоре появились слухи о том, что это вовсе не смерть, а инсценировка. И на то были веские основания. Подобные разговоры касались и Елизаветы Алексеевны.

В православии широко известно имя святой Веры Молчальницы. Еще при ее жизни, а умерла она в 1861 году, появились слухи, что под этим именем скрывается супруга ушедшего в мир иной императора Александра I. Говорили, что венценосные супруги инсценировали смерть, чтобы удалиться от дел государственных и посвятить остаток жизни посту и молитве. Император после долгих скитаний оказался в Сибири под именем Федора Кузьмича, а его супругу, тоже после скитаний, причем часть из которых они, возможно, провели вместе, называли Верой Молчальницей, взяв обет молчания до самой своей кончины.

Пушкин мог и не знать о том, а если и слышал то, что в то время считалось легендой, мог и не верить. Правда, известно, что он тайно посещал знаменитого нашего святого старца Серафима Саровского. О чем они говорили, одному Богу известно. Но старец был прозорлив – не сообщил ли он поэту какие-то тайны?

И так, посвящение «К Е.В.», скорее всего, обозначает «К Ее Величеству», а перемена отношения к императору тоже говорит о каких-то новых знаниях, полученных о нем поэтом – несомненно, уход императора в старцы и посвящение остатка жизни посту и молитве заслуживает уважения.

Заклинание

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.

Приди, как дальная звезда,
Как легкой звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно, сюда! сюда!..

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но тоскуя
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда!

И в «Бахчисарайском фонтане» содержится намек на тайную любовь поэта:

...И между тем, как все вокруг
В безумной неге утопает,
Святыню строгую скрывает
Спасенный чудом уголок.
Так сердце, жертва заблуждений,
Среди порочных упоений
Хранит один святой залог,
Одно божественное чувство...

1821–1823

Словом, поэт постоянно возвращался к своей первой страстной юношеской, почти еще детской, но по-взрослому серьезной любви.

«Я помню чудное мгновенье...»

А вот увлечение Анной Керн не стало тайной, а напротив, широко известно, благодаря блистательному романсу, написанному Михаилом Глинкой на знаменитое посвящение «Я помню чудное мгновенье», сделанное Пушкиным этой необычайно красивой женщине.

С Анной Керн Пушкин познакомился в 1819 году в доме президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки Алексея Николаевича Оленина. Пушкину было двадцать лет, племяннице Оленина Анне – девятнадцать.

Вот как она сама вспоминала об этом знакомстве: «На одном из вечеров у Олениных я встретила Пушкина и не заметила его: мое внимание было поглощено шарадами, которые тогда разыгрывались и в которых участвовали Крылов, Плещеев и другие. В чадую такого очарования мудрено было видеть, кого бы то ни было, кроме виновника поэтического наслаждения, и вот почему я не заметила Пушкина».

Пушкин подошел к Анне, державшей в руках корзину с цветами. Подошел вместе с братом Анны Александром Полтарацким и был поражен ее красотой. Вот уж поистине «чудное мгновение». Перед ним действительно предстал «гений чистой красоты». Но в тот момент Пушкин неосторожно пошутил, и Анна покинула зал.

Однако Пушкин продолжал оказывать знаки внимания. Анна Керн вспоминала: «За ужином Пушкин уселся с братом моим позади меня и старался обратить на себя мое внимание льстивыми возгласами, как, например: “Можно ли быть такой хорошенькой!” Потом завязался между ними шуточный разговор о том, кто грешник и кто нет, кто будет в аду и кто попадет в рай. Пушкин сказал брату: “Во всяком случае, в аду будет много хороших, там можно будет играть в шарady. Спроси у m-me Керн, хотела ли бы она попасть в ад?”

Я отвечала очень серьезно и несколько сухо, что в ад не желаю. “Ну, как же ты теперь, Пушкин?” – спросил брат. “Я раздумал, – ответил поэт, – я в ад не хочу, хотя там и будут хорошенькие женщины”».

После вечера Пушкин вышел на улицу вслед за Анной и, по ее словам, когда уезжали они с братом, «Пушкин стоял на крыльце и провожал меня глазами».

Стихотворение, ставшее впоследствии романсом, родилось позже...

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты.
Как мимолетное виденье.
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты.
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,

Без слез, без жизни, без любви.

Пушкин знал, что Анна Петровна Керн уже замужем и замужество ее неудачно. Она происходила из родовитой, богатой семьи. Дед по материнской линии, Иван Петрович Вульф, был вначале орловским губернатором, а затем – сенатором. Отец Петр Маркович Полторацкий дослужился до чина надворного советника, имел на полтавщине богатые земельные угодья.

Дед Анны по отцовской линии, Марк Полторацкий, принадлежал к старинному малороссийскому казацкому роду. Огромную роль в его судьбе сыграл Алексей Григорьевич Разумовский, который приехал в Малороссию подбирать певцов для дворцовой хоровой капеллы. Сам Разумовский в юности своей тоже был «подобран» для таковой же цели еще в царствование Анны Ионовны. Его привезли в Санкт-Петербург и подарили Елизавете Петровне, у которой при ее малом дворе тоже была своя хоровая капелла. Ну а дальнейшая судьба его хорошо известна...

И вот позднее Разумовский выбрал для хора молодого казака Марка Полторацкого и пригласил его в столицу. У деда Анны Петровны был завидный баритон. Вскоре его отправили учиться в Италию, а когда возвратился, сделали дирижером. В конце концов он вырос до чина управляющего Придворной певческой капеллы, был произведен в действительные статские советники. Это производство давало право на потомственное дворянство. Марк Полторацкий был необыкновенно плодовит. 22 ребенка было у него. Анна Керн родилась в семье его младшего сына Петра, который вышел в отставку поручиком и стал предводителем дворянства в Лубнах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.